Разин А 13/V-90

Андрей РАЗИН

„АНДРЮХА, КАК САМ?“

Продолжаем публикацию глав из книги «Зима в стране «Ласкового мая». Глава III.

ВРЯД ЛИ зритель, заплативший свои три рубля за входной билет и возможность оттянуться под звуки любимой тусовки, знает, что творилось за кулисами, какие высокие человеческие качества, от стремления не поступиться принципами до компромиссов в духе умиротворения углекопов Заполярья, были пущены в ход. Для того чтобы, изящно выражаясь, «заделать» гастроли, администраторы должны обладать натиском профессионального чемпиона по боксу Тайсона и красноречием прославленного народного депутата.

Спорят за каждый рубль.

И при этом обе высокие договаривающиеся стороны втайне лелеют мечту, что можно поиметь лично для себя. И лишь солист, гастролер, поет, заливается соловьем, абсолютно не имея никакой возможности влиять на развитие событий. Хотя людская молва считает именно его, Творца и Художника (ах, как хочется думать, что именно так!), главным ответственным лицом за все, в том числе и за падение эстрадного уровня, а также нежелание молодежи примерно учиться и хорошо работать.

Совсем недавно по страницам отечественной прессы прошелестел бум, от которого явственно попахивало жареными фактами. Уставшие от разоблачений кооператоров-шашлычников публицисты с открытым забралом кинулись подсчитывать, сколько денег, а также телевизоров «Сони», холодильников и «ВАЗов» получают идолы нашей советской песни. Плюрализм был столь значителен, что в публикациях замелькали даже фамилии неприкасаемых любимцев народа А. Пугачевой и В. Леонтьева. Классно, как выяснилось, умеют считать газетные парни. Когда я читал про их исследования, то с сожалением думал, что они ошиблись в выборе профессии. Из них получились бы очень крутые фининспекторы. Но газеты в те дни читались с упоением не только пенсионерами войск МВД — как известно, самыми суровыми критиками и знатоками искусства, но и теми, кто в последние годы всей душой полюбил служителей муз. В московском ресторане «Арбат», этом центре организации, именуемой «Союзрэкет», за право почитать статью, где детально расписывались доходы Жени Белоусова, платили по стольнику плюс флакон «Наполеона». Авторитетный рэкетмен Юра Четный, контролирующий кроме Рижского рынка некоторые команды, играющие панк-рок, в экстазе воскликнул:

— Клево пишут, собаки! Надо брать в долю, пусть падают.

Много у нас охотников считать чужие деньги, делать из мухи слона, а потом торговать слоновой костью.

Слухи о баснословных гонорарах «звезд», которые комментируются некоторыми журналистами, одевающими вместо очков цейсовские бинокли, сильно преувеличены. В «Одном дне Ивана Денисовича» Солженицын хорошо написал о нелегкой доле зека-посылочника. Это только кажется, что он припухает на зоне и нагоняет себе румянец. Пришла посылка, и сразу со всех сторон звучит: «Дай!». Нарядчику надо — иначе загремишь вместо конторы на лесоповал, бугру-бригадиру — обязательно, поскольку от него зависит вся прошлая и будущая жизнь. Блатным попробуй не дай, заберут сами. Надзиратель-вертухай, ждущий пенсии в таежной глуши, не прочь побаловаться московским сервелатом, а обидь его — неприятностей не оберешься. Ну и товарищам по несчастью, с кем коротаешь на одних нарах срок, совестно не дать чего-нибудь... Так что остаются у посылочника крохи, да еще слава состоятельного человека. Как известно, гулаговские нравы и традиции прочно вошли в наш быт, в психологию и практику и, как мудрено выражаются социологи, прогнозируют мотивацию поведения личности. Эстрада, конечно, не ОЗЕРЛАГ, но знаменитый гастролер подчас выглядит также нелепо и двусмысленно, как самый бесправный работяга-сучкоруб. Иногда, разглядывая финансовые документы «Ласкового мая» в ласкающей части «вал», я вижу, как на моих глазах этот колоссальный девятый вал рассыпается на мелкие пенные барашки.

Куда только не идут деньги из авторского гонорара...

Еще пару лет назад директора стадионов были рады любому чудаку, решившему провести на их поле выставку служебных собак или сиамских котов. Сегодня за то, чтобы фэны могли опустить свои затерханные джинсы на жесткие скамейки, директор требует в виде аренды дань, смутившую бы даже смиренных дреговичей и полян. Две тысячи рублей на бочку, иначе разговор теряет финансовый интерес.

За один концерт две тысячи.

А если администратор, бледнея от такой мертвой хватки, начинал намекать, что услуги должны быть адекватны требуемой сумме, директор может немедленно вышвырнуть его на зеленый газон, чтобы нахал не мешал очереди менеджеров, предлагающих «Мираж», «Кино» и Агузарову. Оптом и в розницу... А наша славная рабоче-крестьянская милиция? Еще совсем недавно она бдительно и самоотверженно несла свой крест по охране общественного порядка, удовлетворяясь штатной заработной платой и возможностью в цветущие лета выйти на пенсию. Сейчас без тысячи рублей за концерт милиция даже не желает смотреть в сторону стадиона либо Дворца спорта.

Распространители билетов, контролеры, рабочие — все, устал перечислять. Короче, дай и дай. И все правы. Хозрасчет не приемлет сантиментов. Так что проведешь двенадцать концертов, а потом всю ночь ворочаешься в гостинице и думаешь, где наскрести денег, чтобы записать новый магнитоальбом? Ведь на студиях сейчас сидят ребята, тоже умеющие считать деньги. Да и их можно понять. Чтобы окупить крутые деки, нужно драть с гастролера по три, а еще лучше, по четыре шкуры. Так и живем. Гоняем по кругу сумму. Правда, думаю, что она попадает в надежные руки. Только в чьи? Уверен, что и Костя Кинчев, и другие идолы бедны, как церковная мышь. Относительно, конечно... Но недавно я слышал, что худрук «Альянса» просил у кооперативщиков-цеховиков ссуду под разбойничьи проценты для покупки аппаратуры.

Короче, что слава? Всего лишь яркая заплата на ветхом рубище певца.

Недавно в Ташкенте, хлебном городе, за меня всерьез взялся тамошний рэкет. Вообще-то я об этом не забочусь, поскольку тройка «качков», способная за пять минут совершить все подвиги Геракла, на всякий случай оформлена в качестве рабочих при студии «Ласковый май». Но на этот раз я решил лететь в Ташкент налегке, без них, потому что администратор концертов, побывав у меня в Москве, произвел самое хорошее впечатление. Изящный юноша, с глубокими восточными глазами, прикладывающий руки к груди и цитирующий Омара Хайяма.

— Вам, Андрей, у нас очень понравится, вы полюбите нашу прекрасную землю. Вы когда-нибудь видели, как умирает над барханами солнце?

Ну, как я мог после этого появиться в кругу будущих друзей с амбалами из охраны, контрастирующими на фоне моих худощавых артистов! С легким сердцем я пошел оформлять билет в Ташкент. Город встретил нас терпким запахом цветов, миндаля и сладчайшим ароматом натуральных шашлыков. Все цвело и радовалось жизни. Был счастлив и я. Есть еще в нашей разозленной стране оазисы добра и сердечности, где хочется воскликнуть: «Человек человеку друг!». Правда, встретивший меня Рустам поразил странной метаморфозой. Он уже не улыбался, а прикрыл за собой дверь номера и зашептал:

— Слышь, Андрей, я внизу видел «синих».

— Каких синих? — изумился я, обалдев от пестроты восточных весенних красок. — Крашеные, что ли?

— Да ты че? — еще сильнее понизил голос Рустам. (Он походил на мальчика Мука, прямо-таки съеживаясь на глазах в размерах).

— При чем тут крашеные? Это воры в законе. Они пришли вышибать из тебя деньги. Отдай им, пожалуйста, бабки, а то будет нехорошо.

Я вспомнил, как в «Олимпийском» ко мне подошел большой знаток жизни и ведущий телепрограммы «50×50» Минаев и, узнав, куда я лечу, многозначительно хмыкнул: «Смотри, Андрюша. Восток — дело кучерявое».

Предсказания Минаева начинали сбываться.

— А почему, собственно говоря, я должен платить этим самым «синим»?!

— Ты что, Андрюша, совсем бестолковый? У них знаешь, какие расходы... Во-первых, «травка» сейчас дорогая; во-вторых, они тоже своим паханам платят. А карты?

Опять двадцать пять. Я, оказывается, должен взять на содержание каких-то таинственных «синих» злодеев и расплачиваться за их гедонизм и карточные проигрыши.

— А если я позвоню в милицию? Ведь есть же здесь Советская власть!

— Когда меня обижают, я никогда не обращаюсь в милицию, — грустно и меланхолично заметил Рустам.

— А куда ты обращаешься?

Мне, конечно, было совершенно безразлично, куда направляет свои стопы Рустам, но затейливый этикет восточного разговора требовал учтивости. Тем более что ситуация оказалась тупиковой. Я глядел в окно, где безмятежно курлыкали горлинки в синем небе, не слышался гул самолета, который мог бы прекратить весь этот абсурд и унести нас из хлебного города домой. Что делать? Мне не хотелось, чтобы повторилась история, произошедшая в одном из восточносибирских городов, где у меня прямо из гостиницы умыкнули маленького артиста и заломили такую сумму, что я впал в отчаяние, но тогда помогли комитетчики, к которым я обратился за помощью. Надо признать, что у них хорошо поставлено дело. Уже через час счастливая «звезда» и надежда «Ласкового мая» как ни в чем не бывало топтался перед заиндивевшей дверью отеля, а средних лет дядька, в котором ни за что не угадывался чекист, строго выговаривал мне за ротозейство. Там киднэпинг не прошел, но Восток, как известно, край чудес. С сибиряками, несмотря на их некоторую неразворотливость, все-таки можно договориться, а здесь?

Рустам меж тем что-то горячо говорил, но слова его долетали в виде бессвязных отрывков. Я стряхнул оцепенение и изобразил величайшее внимание.

— Короче, Андрюша, они кого-нибудь из твоих пацанов изувечат. Отдай им бабки, останешься очень доволен. Они билеты на обратный путь купят за свой счет. Хороший вечер сделают.

Я посмотрел в теплые глаза Рустама и понял, что он самый что ни на есть обыкновенный наводчик, обретающийся под видом культурника-кооператора. Эх, какой же я наивняк. Развесил уши под Хайяма, расчувствовался. Теперь вот думай, как унести ноги самому, спасти ребят и репутацию. Ведь эти ребятишки со страстными глазами контролируют не только продажу дынь, но и способны организовать в местной печати большой шухер по поводу очередной выходки «Ласкового мая», не уважающего местное население. Меня взорвало.

— Фиг им! Ничего не дам.

— Ты че, крыша поехала?

— У меня для твоих «синих» есть клевый сюрприз. Волына такая, может, слыхал. Автомат «Узи». Знакомые евреи подогнали из Тель-Авива. Бьет, как ишак копытом. Наповал. За секунду тридцать человек завалю.

— Ты че, — непритворно побледнел Рустам, — из самого Тель-Авива? Наповал...

— А ты Разина не знаешь?

Меня понесло.

— Я в прошлом году в Сочах так пятерых отоварил, что приехал министр и вручил значок. Сам понимаешь, за что. Они всей Петровкой не могли их повязать. А твоих лохов я замочу на законных основаниях. Мне за тот случай присвоили звание и дали удостоверение сотрудника шестого управления второго отдела. На цырлах будут ходить.

Спасибо услужливой памяти. Из далекого детдомовского детства она принесла выражения блатной фени, и это придавало моему бреду пугающий характер. Рустам в ужасе пятился к выходу. Он был потрясен. Как говорил некогда товарищ Мао, «враг отступает, мы наступаем». Я обрушил на него такую лавину информации о своих победах в битвах с рэкетом, что он был близок к паническому бегству.

Опять хлестаковщина, устало скажет принципиальный читатель.

Увы.

НАША ПЕРЕВЕРНУТАЯ жизнь слишком часто ставит меня в такое положение, что честность может показаться жалкой и ненужной Золушкой, а хлестаковщина может стать единственным спасением.

Рустам долго не мог попасть ногами в свои мокасины, а потом гулкая тишина коридора гостиницы «Узбекистан» нарушилась лязганьем дверей лифта. Полагаю, что он помчался докладывать своим боссам о невероятной информации.

Я спустился в холл и взял кофе. Среди почтенных толстяков со сверкающими орденами Ленина на бостоновых костюмах не было видно ни одного в кожанках и адидасовских штанах. Лучшие люди ташкентской теневой экономики проводили совещание. Достоинства автомата и моя известность, видимо, внесли серьезные коррективы в простой и ясный план, рожденный под тюбетейками ташкентского отделения «Союзрэкет». Кофе по-турецки обжег губы. Что делать? В милицию действительно обращаться было бесполезно. На комитет надежд было больше. Но солидно ли отрывать этих людей от ловли шпионов на основе одной дохлой информации, полученной от Рустама? А вдруг все это вообще деза и меня собираются потрошить не «синие», а какие-нибудь черные. Кто их в этом буйстве красок разберет? Вдруг все это тонкая игра, вроде комбинаций Штирлица, обкручивавшего самых изощренных агентуристов Кальтенбруннера? Хотя какой к черту Штирлиц? Шпионить легко, а вот попробуй в Ташкенте открутиться от липких и мускулистых рук... Кофе обжигал губы, я даже поперхнулся от боли. И вдруг расхохотался.

— Зачем смеешься? — покосилась на меня продавец из сувенирного ларька, — некрасиво над женщиной смеяться, нехорошо.

Шаровидная продавщица, наверное, подумала, что я скептически отнесся к ее откровенным формам.

— Нет, ханум, я смеюсь над собой, — смиренно покаялся я, растянув рот в самой широкой улыбке, на которую был способен.

— Тогда ничего, — прониклась ханум и интимным шепотом поинтересовалась: — Одеколон «Арамис» не нужен?

— Не нужен, — шалея от радости, закричал я. — Мне нужен чай или кофе.

— Это на этаже, — потеряла ко мне интерес величественная дама. А я мысленно захлопал в ладоши. Вот оно спасение, в горяченьком. Ведь все мое оружие перед лицом надвигающейся угрозы составлял гребешок. На хилое воинство «Ласкового мая» надежд было мало. Спасти могло лишь какое-нибудь оружие массового поражения. Кипяток! Будем ошпаривать ґадов!

Военный совет я провел с Мишей Сухомлиновым. Этот бесстрашный девятиклассник обладает бойцовским характером. Еще не дослушав меня, он предложил отправиться на Алайский рынок и прикупить дюжину узбекских ножей. Но, поразмыслив, согласился, что в рукопашной схватке с профи у нас нулевой шанс. Уяснив боевое задание, виртуоз-клавишник и кумир восьмиклассниц помчался по этажам клянчить у горничных чайники. За кипятильниками в хозмаг отправился Андрюша Гуров. Короче говоря, материальная база была создана и на концерт мы отправились в приподнятом настроении. Уверен, что каждый при этом прокручивал возможные фрагменты схватки. В эту минуту я гордился «Ласковым маем». Все ж таки нас, артистов, голыми руками не возьмешь!

В перерыве между концертами за кулисами заметались какие-то шустрые ребята с фиксами. Я сразу определил — разведка. Могучие пожарницы, как гиены набрасывающиеся на чудом проникающих в запретную зону фанаток, при виде фиксатых моментально забились в какие-то темные углы.

— Нужна психологическая атака, — шепнул я Сухомлинову, и, когда мимо нас независимо прошел один из шустряков, я громко сказал:

— Миша, ты чего это маслины не протираешь? Хочешь, чтобы заржавели?

Миша ответил достойно и четко, как прапорщик генералу:

— Никак нет! Патроны в исправности, сам проверил.

Шустряк блеснул фиксой и скрылся.

Ясное дело, побежал с докладом.

После концерта мы заперлись в нашем угловом номере, расположенном на самой верхотуре, и по всем правилам фортификационной войны приготовились к осаде. Если бы вдруг в номер пришли корреспонденты журнала «Трезвость и культура», они бы расцеловали нас. Виданное ли дело? Знаменитая группа, а пьет лишь чай. На столах дымилось не менее двух десятков расписанных затейливой вязью узкогорлых чайников.

Около двенадцати в дверь постучали, и чей-то явно фальшивый голос вкрадчиво осведомился:

— Можно видеть гинеколога Ходжаева?

— Твой Ходжаев пошел на манты, — развязно ответил я, потому что не люблю жиганского юмора. Тогда за дверью прокашлялись, и басом кто-то сказал:

— Слышь чего, надо с Разиным потолковать. Пусть выйдет.

Сомнений не оставалось. Пришли.

— Миша, — сказал я громко и членораздельно, — подай волыну и отойди от двери, а то могу случайно задеть.

Топот удалился в сторону лифта. Но это, конечно, было начало. Мы усилили бдительность, вдруг примерно через час со стороны окна послышалось какое-то шевеление. Что за чертовщина? Ведь мы на тринадцатом этаже. Выше нас только звезды. Я открыл фрамугу и обмер. Примерно на уровне одиннадцатого этажа, по декоративной стене, опоясывающей фасад гостиницы, к нам карабкался крепкий паренек в кожаной куртке. Сущий альпинист.

— Миша, — прошептал я, — воды.

Верный оруженосец Сухомлинов отреагировал мгновенно.

— Эй, — заорал я, высунувшись из окна, — чайку не желаете?! Зеленый. Очень помогает от жажды.

Паренек окаменел от страха. Ситуация для него сложилась отвальная. Внизу девять этажей свободного полета, а вверху я с крутым кипяточком. Для начала знакомства я чуть-чуть плеснул ему на куртку. Пошел пар.

— Ты чего, кент, — дико заорал альпинист, — я к девушке иду. Сбился с дороги.

Бедняга, видимо, и сам не понимал, что говорил. Мне стало смешно, и я крикнул:

— Приходи с ней на концерт. А как насчет кок-чая?

— Не, — заверещал гангстер, — в следующий раз. Пока. Извините, ребята.

И с необыкновенной быстротой, как орангутанг, перебирая руками и ногами, он засеменил вниз по стене и через мгновение скрылся в чернильной темноте.

— Поздравляю, — поблагодарил я бойцов и дал отбой. Вряд ли рэкет стал бы повторять тактику штурма напролом. Пусть думает. А пока мы отдохнем.

Утром позвонил, потом и пришел Рустам.

— Слышь, Андрей, я в чайхане был, плов кушал, конфеты-мафеты. Там базар был. Про тебя. Крутые ребята хотят на вас наехать. Хотят в номер прийти. Но я твой друг. Я все придумал. Давай вечером после концерта придем в баню. Отличная парилка. Видик, бассейн, туда-сюда...

Вот это уже теплее. Образ мыслей неприятеля стал мне понятен. Убедившись, что в лобовой атаке им ничего не светит, рэкетиры прибегли к классической восточной тактике — отвлечь внимание удовольствиями. Конечно, их всерьез напугал «автомат «Узи» и изумила моя готовность запросто найти простое и страшное оружие вроде кипятка. Итак, что делать? Средь бела дня они нападать не станут, все же Ташкент, не джунгли. Но и отпустить меня из Ташкента с деньгами, на которые они уже поимели виды, воровская совесть им не позволит. Значит, баня. Отказаться было невозможно, это привело бы к какой-нибудь авантюрной выходке со стороны рэкета. Я решил прикинуться человеком, понимающим толк в удовольствиях.

— А кто будет в бане?

— Ты че, — радостно вскричал почуявший близкую добычу Рустам. — Лучшие люди. Отдохнем, расслабимся.

— Хорошо.

Второй концерт мне дался с большим трудом. Надо петь, зал битковый, а у меня в голове совсем другие мысли. Как же бесправен сегодня творческий человек перед алчным нажимом со всех сторон. Вот, говорят, художник — совесть народа, властитель дум. Чепуха! Этого самого властителя любой власть имущий сотрет в порошок, если только почувствует, что вольная пташечка запела не то, что нужно. С уголовным, скажем так, рэкетом справиться можно. А с идеологическим? В свое время я был без ума от свердловчанина Саши Новикова, сочинившего столько прекрасных песен, что их другому могло хватить на большую, безбедную жизнь. Помните, хотя бы «Вези меня, извозчик»? Во всех кабаках пели, стала народной. Заговорили о парне не только у нас, но и за границей, стали передавать песни по голосам. И свердловское партийное начальство взвилось.

— Как это в нашем пролетарском городе да диссиденты?! Вязать его!

Был бы руководящий крик. А принципиальные юристы всегда найдутся. Новикову присобачили популярную статью о спекуляции и сунули в лагерь. Ни за что ни про что. Вот такая форма музыкальной критики. А наш Сережа Кузнецов? Он-то и вообще не писал песен протеста. Но в Оренбурге даже «Белые розы» кому-то показались чересчур смелыми.

— Почему пишет? Тем более не член Союза композиторов. Сомнительная личность. Разобраться!

Поскольку за «Белые розы» срок не намотаешь, то придумали оренбургскому самородку версию, будто он воровал радиодетали. Кузнецов клянется, а ему подмигивают:

— Был бы человек, а «дело», паря, всегда найдется.

Спать бы Сереге, как и Новикову, на нарах, если бы не пришла мне в голову спасительная идея выдать себя за представителя Министерства культуры СССР, взять на прокат депутатский значок и появиться в Оренбурге с грозным известием про то, что Кузнецова и Шатунова ждут на международном фестивале. Уголовное дело немедленно бросили в корзину...

А ВООБЩЕ-ТО вы думаете, кто-нибудь хоть извинился? Нет. Те, кто судил Новикова, кто звонил по «верхушкам» и спускал директивы, сейчас шагают в первых рядах перестройщиков. То же самое и по Кузнецову. Да что далеко ходить. Сколько раз меня то повестками, то просто так приглашали в разные прокуратуры и отделы БХСС, где вкрадчиво намекали, что могут запросто посадить в тюрьму.

— За что?

Мне не разъясняли, но было понятно, что я как бельмо на глазу у тех, кто по-крупному занят шоу-бизнесом, раскручивает звезд и имеет с этого миллионные обороты.

— Кончай петь или плати, — вот так намекали мне в разных кабинетах.

Не буду кокетничать. Не буду строить из себя диссидента. Но и мой скромный жизненный опыт позволяет чуточку судить об огромной мере социальной незащищенности артистов и социальном происхождении рэкета, родившегося не на Рижском рынке, а в глубинах системы...

Концерт меж тем подходил к концу, и, думая о предстоящей бане, я все сильнее приходил к одному простенькому выводу — пусть меня повесят на первой же чинаре, но я уверен, что Гдляна и Иванова слишком рано отправили из Ташкента. Видно, кому-то не терпелось. По-моему, в этом благословенном месте без червонца скоро нельзя будет ступить ни шагу. А жулья здесь на один квадратный метр больше, чем на километр в Чикаго, родине Аль Капоне. За деньги можно купить все, и никто не стесняется об этом говорить.

Но мне рассчитывать на помощь следователей по особо важным не приходится. Мне предстоит баня. Выкручусь, значит, завтра улетим без потерь. Нет, возможно, так и останемся в песне... Даже взгрустнулось от таких мыслей. Но надо настраиваться на серьезный лад, а то быстро ущучат.

Ведь что произойдет в бане? Наперед знаю. Выпьем, расслабимся, заговорим «за дружбу», и в это безмятежное мгновение откроется дверь, и войдет какой-нибудь амбал с тазиком кипятка. Все ж таки я не оригинален, и кипяток давно и прочно вошел в арсенал борьбы за большие деньги. Войдет и скажет:

— Давай, дорогой, расстанемся по-хорошему. Пусть кто-нибудь везет деньги, или я случайно сейчас споткнусь...

Что остается голому человеку? Платить. Правда, рэкетиры народ боевой, но не слишком творческий, не склонный к импровизациям. Они любят проверенные методы, которым их научили на зоне паханы. Обварить кипятком, придушить полотенцем, приставить к горлу пику. В основном такой джентльменский набор. А когда что-то не срабатывает, они впадают в недоумение. На этом и нужно играть.

Словом, я поехал в баню.

Представьте себе средневековую улицу, где за глинобитными дувалами идет какая-то абсолютно непонятная европейцу жизнь, машина вдруг останавливается возле неприметного дома. Простая дверь. А за ней... Сказки Шехеразады. Тысяча и одна ночь. Утехи эмиров и шейхов. На огромном ковре истекают соком невероятные фрукты. Благоухает шашлык, и манят затейливые сладости. Видениями порхают девочки, ничуть не уступающие герлам из московского «Националя». И над всем этим улыбающийся Рустам.

— Андрюша, дорогой, большое тебе спасибо. Сейчас мы по обычаю закусим и отдохнем. Заказывай.

Оказывается, где-то рядышком наготове стоит официант. «Тысяча и одна ночь», оказывается, имеет форму некоего огосударствленного бардака.

«Вот это мне и нужно», — возликовал я и сделал такой грандиозный заказ, что Рустам убедился — Разин клюнул, парилка состоится, а, значит, все пройдет по плану. Краем глаза я заметил исполнителей. Все те же парни в адидасах. Мелькнули и скрылись. Но теперь я был спокоен. В последнюю минуту я шепнул шоферу, чтобы он резко завел мотор, открыл двери и, как только я выбегу, дал по газам. Так быстро я никогда не бегал. Я обогнал крик Рустама.

— Ты че, Андрюха?!

Двери хлопнули, и машина, в которую умудрился набиться весь «Ласковый май», рванула вдоль глухих стен. В заднее стекло было видно, как кто-то, видимо, из авторитетов, дубасил не выполнившего задание Рустама. Всю ночь мы простояли на какой-то забытой богом улочке, где нас не нашел бы никакой рэкет.

А наутро в гостинице, куда мы приехали перед аэропортом, нас ждали переворошенные сумки...

Рэкет не удался.

МЫ ШЛИ по залитому белым солнцем аэродрому к голубой лодке «Ил-86», и я думал, жаль, что не очень охотно артисты рассказывают о рэкете. Стесняются, боятся. И потому многие думают, как им хорошо и свободно живется. У самого самолета с нами поравнялась группа каких-то людей, и мальчишка, впервые увидев «Ласковый май» так близко, вдруг спросил меня:

— Разин, как ты сам, ваще?

Я ответил ему серьезно:

— Ваще нормально. Все путем.